

Б. И. Колоницкий

*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербургский Институт истории РАН*

Политические символы Февральской революции и символическая политика Гражданской войны

Февральская революция создала новые ресурсы для реализации символической политики: дореволюционная символика часто отрицалась как старорежимная, контрреволюционная, а революционные символы выступали фактически в роли государственных. Это оказало немалое воздействие на политику Гражданской войны, создавая наиболее благоприятные условия для действий большевиков.

Ключевые слова: Российская революция, Гражданская война, политические символы, революционная традиция, символическая политика.

Политические символы — важное средство идентификации, легитимации и мобилизации. Они демонстрируют политические изменения, что проявляется либо в присвоении государственных символов, либо в их отрицании и утверждении новой символики. Идеологические представления нередко проникают в массовое сознание с помощью символов, в этом проявляется их коммуникативная функция.

Во времена революций роль символики возрастает: государство теряет монополию на осуществление насилия и на правотворчество, важнейшим источником власти становится авторитет. Претенденты на власть постоянно должны доказывать свою легитимность, в том числе и активизируя символическую политику. Символы апеллируют не только к разуму, но и к эмоциям, а это особенно важно в условиях архаизации общественного сознания¹.

Историки революции и Гражданской войны вспоминают о символах, иллюстрируя события «большой» политической и военной истории, главными акторами которой предстают политические партии и лидеры, правительства и войсковые соединения. Между тем символика провоцирует и регулирует конфликты разного уровня и заслуживает специального рассмотрения.

¹ Об архаизации в эпоху революции см.: Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / 2-е изд., доп. М., 2010. 967 с.

Пропаганда воспринималась неграмотным по преимуществу населением либо через устные сообщения, либо через плакаты, карикатуры, кинематограф, которые широко использовали символику. В политическом просвещении нуждались не только неграмотные: до революции большинство жителей России не участвовало в политической жизни. Это отчуждение от политики спешно преодолевали и те, кто во время революции включался в осуществление власти; для неопитов политической жизни символика становилась средством обучения и одновременно важным инструментом властвования.

К тому же сакрализация монарха продолжала оставаться фактом церковной жизни. Революция не могла не привести и к «церковной революции», в которой использовались политический язык и символика². Революция часто сравнивалась с Пасхой, а Пасха нередко сопоставлялась с революцией. «Перенос сакральности», изучавшийся исследователями Французской революции³, важен и для понимания революции российской; новая символика приобретала характер сакральных знаков.

Символы империи и революция

Уже 28 февраля 1917 г. в Петрограде уничтожались гербы. Вскоре нападения на символы империи стали повсеместными. Без распоряжений революционных организаций люди атаковали символы власти, в их синхронных действиях проявлялось схожее символическое сознание.

Временное правительство утвердило государственную печать. На ней двуглавый орел был лишен имперской символики. Это изображение появилось на знаках отличия и денежных знаках, хотя правительство отложило рассмотрение вопроса о гербе и государственном флаге до Учредительного собрания. Конфликты вокруг «орлов» продолжались после прихода большевиков к власти, хотя и они использовали видоизмененный герб (он встречается на советских плакатах, денежных знаках и даже на знаменах⁴). Со временем двуглавый орел стал символом белых. Однако особенности

² *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. 223 с.

³ *Озуф М.* Революционный праздник, 1789–1799 / пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М., 2003. 416 с.

⁴ *Корнаков П. К.* Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26–28, 34, 50–51; *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России: Очерки истории государственной символики России. М., 1993. С. 143.

его изображения отражали разногласия в их лагере: отдельные правительства использовали «дореволюционный» орла, что вызывало протесты⁵. И для некоторых антибольшевистских сил «старорежимный» герб становился враждебным символом⁶.

Попытки же использования национального флага даже либеральной прессой порой описывались как «контрреволюционные», хотя официально он оставался государственным символом до апреля 1918 г. Флаг стал символом белых, а для носителей революционной политической культуры он был знаком, маркирующим «контрреволюцию».

Императорский гимн отрицался совершенно, а его исполнение в годы Гражданской войны порождало конфликты в лагере противников красных. Центры противостояния красным не рисковали его использовать, хотя на некоторых полковых праздниках демонстративно исполнялся дореволюционный гимн⁷.

Матросы, отвергавшие разные «старые» символы, сохраняли Андреевский флаг: на мачтах поднимался боевой флаг красного цвета, на корме — военно-морской флаг. За его сохранение высказался даже Центральный комитет Балтийского флота, хотя некоторые активисты требовали заменить его красным⁸. Корабли флота шли на штурм власти в октябре 1917 г. под Андреевским флагом, а флаги Центральных комитетов флотов создавались на основе адмиральских флагов — большевики опирались на авторитет морской традиции.

Между тем на Черном море в октябре 1917 г. несколько кораблей подняли украинский флаг, в ответ на что другие суда подняли красный флаг. Борьба символов продолжалась и после Октября. 18 ноября общероссийский съезд военного флота постановил поднять «флаг Интернационала»⁹. Со временем Андреевский флаг стал символом белых, хотя некоторые противники большевиков и в этом вопросе проявляли колебания¹⁰. Пропаганда крас-

⁵ Николаев Р. Деньги Белой гвардии. СПб., 1993. С. 41, 61; Каталог бумажных денежных знаков России и стран СНГ (1769–1993). М., 1996. С. 7–11, 16–17, 20, 35–36, 37; Герб и флаг России (X–XX века) / отв. ред. Г. В. Вилинбахов. М., 1997. С. 355.

⁶ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 98–100.

⁷ Сахаров К. В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 310.

⁸ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). М.; Л., 1963. С. 38.

⁹ Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за Черноморский флот в 1917 году // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года: материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 октября 2005 г. СПб., 2006. С. 88–105.

¹⁰ Кадесников Н. З. Краткий очерк Белой Борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России (1917–1922 гг.). СПб., 1992. С. 60.

ных, однако, не использовала изображения флага как инструмент делегитимации противника.

Временное правительство сохранило наградную систему, постепенно устраняя монархические эмблемы и реформируя процесс награждения. Многие же активисты требовали полной ликвидации наград. Иногда солдаты не желали носить медали с изображением царя. Наблюдалось и стремление ликвидировать всю наградную систему как «старорежимную». Движение за отказ от наград усилилось осенью, и 10 ноября 1917 г. ВЦИК и Совет народных комиссаров приняли декрет, упразднивший ордена и медали, хотя награждения некоторое время продолжались. Ордена империи получили новую жизнь на территориях белых. Часть генералов полагала, что в Гражданской войне неэтично использовать боевые награды, но награждения производились. В том числе ордена получали офицеры союзных армий¹¹. Создавалась и новая наградная система, опиравшаяся на дореволюционную традицию. Вместе с тем, в пропаганде красных генерал, украшенный «старорежимными» наградами, стал образом врага.

Военнослужащие «революционизировали» погоны: прикалывали красные банты, обшивали красной материей. Появлялись и знаки различия, в которых использовалась революционная символика¹². Часть матросов воспринимала погоны как царские эмблемы, из-за чего в Кронштадте «обеспогонили» всех офицеров. В Гельсингфорсе комитеты не контролировали стихийную борьбу с погонами. Офицерам угрожало избиение. В результате командующий Балтийским флотом адмирал А. С. Максимов 15 апреля приказал снять погоны, а потом ввел для офицеров нарукавные нашивки. Затем министр А. И. Гучков издал аналогичный приказ. В армии также отказывались от знаков различия, хотя эти действия имели разное значение. Между отрицанием погон и политической радикализацией существовала связь, хотя некоторые большевики носили их и после Октября и присваивали новые звания своим сторонникам. Эгалитарные требования (уравнение солдат и офицеров в отношении жалования, пособий) стимулировали борьбу с погонами. Войсковые соединения принимали самостоятельные решения; центральные ведомства учитывали эгалитарные настроения. 30 ноября военно-революционный комитет при Ставке упразднил чины и звания, отменил ношение погон¹³.

¹¹ Можейко И. Награды. М., 1998. С. 312–316; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 307, 328–329.

¹² Корнаков П. Краски войны... С. 26–27, 50–51.

¹³ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть... С. 152–214.

Отказ от старой символики (полковые знамена, Андреевский флаг, погоны) болезненно воспринимался многими офицерами армии и флота, что порой влияло на их политический выбор.

Декреты большевиков, отражавшие настроения многих военнослужащих, юридически оформили уже сложившуюся ситуацию. Антипогонное движение перекидывалось на те территории и войсковые соединения, которые Совнарком не контролировал¹⁴. Некоторых противников большевиков отличали антипогонные настроения. Так, командование Народной армии Комитета членов Учредительного собрания воспретило ношение погон. Ранее, в декабре 1917 г., от погон отказалось командование Чехословацкого корпуса. Консервативно настроенные военные возмущались «полутоварищеским» видом своих союзников, а для некоторых социалистов-революционеров погоны были символом «монархизма»¹⁵.

Погоны были восстановлены и в военном флоте белых (адмиральские орлы лишались корон)¹⁶. Это могло восприниматься как отказ от символической системы Февраля. В пропаганде красных «золотопогонник» стал символом реставрации. Этот негативный образ можно встретить в пропаганде некоторых противников большевиков. Отношение к погонам символизировало расколы в антибольшевистском лагере¹⁷. Во время же Кронштадтского мятежа образ ненавистного «золотопогонника» использовали и большевики, и антикоммунистические повстанцы¹⁸.

¹⁴ *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. Paris, 1985. С. 45; *Дерябин А.* Гражданская война в России, 1917–1922: Национальные армии. М., 1998. С. 22, 26, 36–40.

¹⁵ *Сахаров К.В.* Белая Сибирь... С. 7, 10, 17, 22, 26, 35, 85, 221, 228; Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе — феврале 1920 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. X. С. 285–286; *Дерябин А.* Народная армия Комуча. 1918 г. // Цейхгауз. 1994. № 1 (3). С. 34; *Он же.* Гражданская война в России... С. 28–30; *Он же.* Гражданская война в России, 1917–1922: Белые армии. М., 1999. С. 5–6.

¹⁶ *Буюков А., Крицкий Н., Кузнецов Н.* Адмиральские погоны А. В. Колчака // Цейхгауз. 2002. № 17 (1). С. 34–35; *Каревский А.* Униформологический портрет адмирала А. В. Колчака [Электронный ресурс] // Колчакия. URL: www.kolchakiya.ru/uniformology/Kolchak_portrait.htm (Дата обращения: 02.08.2019).

¹⁷ Генерал В. В. Марушевский, приказавший в ноябре 1918 г. возвратиться к старой форме одежды в Северной области, вспоминал: «<...> часть офицерства с восторгом одела погоны и кое-как раздобыла кокарды, ордена и другие наружные отличия. Другие боялись этих погон до такой степени, что мне приходилось бороться уже с помощью гауптвахты и дисциплинарных взысканий». (Цит. по: *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 104).

¹⁸ Известия Временного революционного комитета матросов, солдат и рабочих города Кронштадта. 1921. 16 марта; Кронштадтская трагедия 1921 года: документы в двух книгах. М., 1999. Кн. 1. С. 262, 278, 439.

Движение против «старорежимных» символов часто не инициировалось какой-либо партией. Оно было следствием низовых инициатив. Временное правительство пыталось сочетать старую и новую символические системы. В этом проявлялась его установка на достижение политического компромисса. Для многих же участников политического процесса это было недопустимое соединение своих сакральных символов с символами ненавистных противников. Символическая политика основных участников Гражданской войны делала такой компромисс невозможным.

Символы революции и подготовка Гражданской войны

В России уже к 1905 г. сложилась революционная политическая культура, частью которой были политические символы¹⁹. Красный флаг и «Марсельеза» (в различных ее вариантах) стали символами Февраля. Развитая система революционных символов и ритуалов способствовала самоорганизации улицы. С их помощью стихийные вспышки протеста преобразовывались в массовое политическое движение. Одновременные и схожие символические акции, проходившие на территории огромной империи, являлись показателем распространенности революционной традиции. Можно говорить о культурной гегемонии социалистов в революции, которую многие современники и историки именовали «буржуазно-демократической»²⁰.

Красный флаг фактически играл роль символа новой России. Пропаганда социалистов создавала культ «святого знамени свободы», которое могло восприниматься и как «символ Интернационала», знак антимилитаристской борьбы. Члены Временного правительства и генералы либо терпели красный флаг, либо использовали его, содействуя утверждению этого символа в качестве государственного. Порой красные флаги заменяли полковые знамена. Революционная символика отразилась и на знаменах ударных частей. Достаточно вспомнить Корниловский ударный полк. Возникли проекты создания «Красного революционного знамени» для награждения отличившихся полков, что предвосхищало символотворчество большевиков. Об этом сообщалось в приказах по армии.

¹⁹ Об использовании политической символики в российском революционном движении см.: *Соболева Н. А.* Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии / 2-е изд. М., 2018. С. 527–542, 573–602.

²⁰ *Колоницкий Б. И.* Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // *Неприкосновенный запас.* 2017. № 6 (116). С. 72–87.

Красный флаг использовался и как символ национальных движений. Его несли во время религиозных процессий, что подтверждало сакральный характер символа. Политики заявляли о своем исключительном праве на флаг. Лишь свою партию, своих вождей они считали «истинными знаменосцами», противопоставляя их оппонентам, «недостойным» хранить красный флаг. Данная тема фигурирует и в большевистской, и в антибольшевистской пропаганде. Под красным флагом выступали политические противники. Стремление уничтожить «чужие» красные флаги, присущее конфликтам 1917 г., предвосхищало столкновения Гражданской войны.

Некоторые генералы, в их числе А. А. Брусилов и Л. Г. Корнилов, использовали красный флаг. Это находило отражение в их приказах и речах. Так, Корнилов приветствовал военного министра А. Ф. Керенского словами «под этим красным знаменем армия пойдет вперед и исполнит свой долг»²¹.

Красный флаг исполнял и роль нового символа власти. Его, например, поднимали над Зимним дворцом, когда там находился Керенский. Официальный статус красного знамени, однако, был закреплен лишь в апреле 1918 г. декретом ВЦИК²².

Многие противники большевиков считали их узурпаторами, похитившими символы революции. Сторонники Учредительного собрания под красное знамя призывали своих сторонников. Но в ходе Гражданской войны красный флаг постепенно начал восприниматься как символ большевиков, хотя его использовали и участники антикоммунистических восстаний²³. Отношение к красному флагу стало индикатором раскола в лагере противников большевиков и фактором, этому расколу способствовавшим.

Роль нового гимна в 1917 г. играла «Марсельеза». Ее исполняли при встрече министров, при приеме иностранных делегаций, во время парадов и перед началом наступления. В то же время «Марсельеза» звучала и во время трудовых конфликтов, а на фронте служила сигналом к братанию. Многие социалисты считали «Марсельезу» гимном «буржуазной» революции, противопоставляя ему «Интернационал». Однако обе мелодии нередко воспринимались как элементы единой политической культуры. Большевики не обладали монополией на «Интернационал». Его пели делегаты меньшевистских и эсеровских партийных форумов²⁴.

²¹ Русский инвалид. 1917. 27 июня.

²² Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 62.

²³ Кронштадтская трагедия 1921 года: документы в двух книгах. М., 1999. Кн. 1. С. 255, 404; Кн. 2. С. 45.

²⁴ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть... С. 260–275.

Октябрь придал новый смысл песням и пению. 5 января 1918 г. сторонники Учредительного собрания пели революционные песни, а на его открытии звучал «Интернационал». Всё это оказало влияние на отношение к Учредительному собранию тех, кто воспринимал его как «социалистическое»²⁵. На III съезде Советов, состоявшемся после разгона Учредительного собрания, исполнялись и «Марсельеза», и «Интернационал». Затем роль главного гимна перешла к «Интернационалу».

В России после Февраля существовал редкий для военного времени политический плюрализм (возможности монархистов, однако, были ограничены), но в сфере символики почти безраздельно господствовали знаки революционного подполья. Покушение на них воспринималось как контрреволюция. Люди разных взглядов болезненно относились к попыткам символической реставрации.

Гнету, нищете и мраку настоящего система революционных символов противопоставляла грядущее — «вольное царство святого труда», «Новый мир». Прорыв в светлое будущее должен был осуществиться в результате грандиозной битвы, «последнего» боя. Такая система революционных символов могла быть использована не только для свержения монархии, но и для углубления социальной революции, так как образы революционных символов были созвучны самым радикальным политическим призывам. Видение мира, предлагавшееся этими символами, ориентировало на «углубление революции». Показательны заглавия некоторых сборников песен, изданных в 1917 г.: «Песни народного гнева», «Песни террора», «Песни ненависти, борьбы и мести».

Разнообразные социальные, этнические, межобщинные конфликты во время революции часто протекали без непосредственного руководства партий. Однако их участники не действовали в политическом и культурном вакууме. Они использовали революционную риторику и символику для самоорганизации и легитимации насилия²⁶.

Сторонники классового мира, общенационального единства и продолжения мировой войны не могли полностью опираться на революционную символику. Символическая политика умеренных социалистов противоречила их политической тактике: они не могли отказаться от революционных символов, хотя это осложняло дости-

²⁵ Протоколы допроса адмирала Колчака... Т. X. С. 250; *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 309.

²⁶ *Engelstein L.* Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford, 2018. P. 217, 513.

жение гражданского мира, способствовало культурной и политической подготовке Гражданской войны.

Символическая политика во время Гражданской войны

Участники Гражданской войны проводили символическую политику, которая должна была обеспечивать решение военных и политических задач, при этом они не могли не испытывать воздействия символических преобразований 1917 г.

Создавая новую государственную символику, большевики узаконили сложившуюся ситуацию. Опираясь на массовое движение, отрицавшее старую символику, они использовали систему символов, утвердившуюся после Февраля, которая не требовала радикальной замены: менялась лишь иерархия символов и их «перевод» в рамках единого знакового комплекса. Ее использование делало новый режим легитимным для многих носителей революционной политической культуры. В то же время революционная символика и риторика могли использоваться и для организации антикоммунистического движения: новые огосударствленные символы легко превращались в символы политического протеста²⁷.

Политическая и культурная атмосфера революции стимулировала создание новых символов. Вскоре после свержения монархии начала складываться советская «геральдическая» система. Эмблемы, содержащие серп и молот, фиксируются уже весной 1917 г. Они появились фактически одновременно и независимо друг от друга²⁸. Эсер Д. О. Хелаев предложил проект герба: на красном знамени Земной шар, обрамленный венком из лавра, где каждый лист обозначал «союзную республику». Так предвосхищался государственный герб СССР²⁹. Соответствующим образом был украшен и зал заседаний Первого съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.): на красном фоне полотна были изображены перевязанные вместе серп, молот и винтовка, а выше размещен глобус, опоясанный лентой с надписью «С. С. Р. и С. Д.»³⁰.

²⁷ Иногда антикоммунистические повстанцы использовали не только революционные символы, но и образы коммунистических вождей: в декабре 1919 г. в Воронежской губернии повстанцы сохраняли Советы, в помещениях которых оставались красные флаги, портреты Ленина и Троцкого. (См.: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. С. 138).

²⁸ Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников. (По материалам Петрограда и действующей армии): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 105.

²⁹ Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г // Анатомия революции. 1917 год в России. Массы, партии, власть / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 1994. С. 363.

³⁰ Русский инвалид. 1917. 4 июня.

К 1917 г. относится и нереализованный проект использования красной звезды как нарукавного знака различия для унтер-офицеров флота³¹. «План формирования революционных батальонов волонтеров тыла», утвержденный генералом А. А. Брусиловым, предусматривал форму без погон; знаками различия стали красно-черные нарукавные нашивки, обозначающие не звание, а должность (волонтеры погоны все же получили)³². Проект новой формы милиции, предложенный министром внутренних дел Временного правительства меньшевиком А. М. Никитиным, предполагал отказ от погон, а знаки различия милиционеров размещались на воротнике³³.

Невозможно доказать, что советские политики ориентировались на эти проекты. Вернее было бы предположить, что речь идет об общем символическом сознании, об общих тенденциях революционного символотворчества.

Символы влияли на формирование политической культуры масс, «проснувшихся» к политической жизни после Февраля. Усвоение политических символов было нередко начальной фазой политизации. Они использовались как инструменты описания и интерпретации действительности, как непосредственное руководство к действию. Культурная гегемония социалистов, проявлявшаяся в утверждении символики революционного подполья, оказала особое воздействие на политизирующиеся массы, в том числе на «комитетский класс» — членов разнообразных Советов и комитетов. Последние играли важную роль в Гражданской войне. Одни из них стали командирами Красной армии и служащими советского аппарата, другие — «полевыми командирами», которые противостояли большевикам. Но и последние порой использовали символику Февраля и революционную риторику как ресурс легитимации. Это затрудняло возможность соглашения между антибольшевистскими силами, ибо в пропаганде белых революционная символика маркировала врага.

Большевики стремились монополизировать, «большевизировать» революционную традицию и символический ресурс Февраля, представляя себя единственными хранителями системы революционных символов. И в этом им порой помогала пропаганда белых.

³¹ Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 80, 81, 95, 121.

³² Кибовский А. Революцией призванные. (Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла) // Цейхгауз. 1998. № 8 (2). С. 30–36.

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1358. Л. 526, 534.

В пропаганде белых и красных наблюдаются некоторые совпадения³⁴. В том и в другом случае образом позитивной идентификации был мужественный рядовой военнослужащий, чаще всего славянин. На советских плакатах он носил головной убор с красной звездой, а в пропаганде белых был облачен в форму с погонами, причем нередко его украшали боевые награды. И красные, и белые признавали врагом «его» политическую символику, которая маркировалась негативно: на плакатах красных, на плакатах белых и на карикатурах главным символом одних является трехцветный флаг (монархический символ — в интерпретации красных), а других — красное знамя, «красная тряпка» (в оценках многих белых). Неприятие последними красного цвета доходило до того, что организация Красного креста была преобразована в Белый крест³⁵. Погоны и боевые ордена для одних были почетными знаками различия и боевыми знаками отличия, а для других — символами контрреволюции. Стремление описать белую армию как «царскую» находило отклик и у тех, кто не был сторонником коммунистов: символика Белого дела воспринималась как «старорежимная» не только большевиками. Это, наряду с иными факторами, затрудняло создание единого антибольшевистского фронта. Напротив, приверженность революционной символике и отрицание символики дореволюционной, «монархической», облегчало большевикам возможность заключать временные тактические альянсы с теми их бывшими и будущими противниками, которые отождествляли себя с Февралем, что имело немалое значение для хода Гражданской войны³⁶.

Символическая политика различных врагов большевиков существенно отличалась. Умеренные социалисты, антикоммунистические повстанцы в разных ситуациях использовали революционную символику и противостояли попыткам большевиков ее монополизировать. Так, председатель Комуча В. Вольский писал: «Красное знамя <...> является символом борьбы всех угнетенных против большевиков и немцев». Символика же белого движения разрабатывалась в ходе Гражданской войны. Сам термин «белые» появился не сразу. Участники боев в Москве в ноябре 1917 г., противостоявшие большевикам, именовали себя «белой гвардией». Термин пер-

³⁴ Герасимова М. М. Белогвардеец // Гражданская война в образах визуальной пропаганды: словарь-справочник / отв. ред. Е. А. Орех. СПб., 2018. С. 12–19; Богомякова Е. С. Красноармеец // Там же. С. 48–59.

³⁵ Герб и флаг России (X–XX века)... С. 472.

³⁶ О важности тактических союзов разного уровня см.: Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?) // Российская история. 2019. № 1. С 3–24.

воначально был локальным, использовался не на всей территории России. Хотя противопоставление красного и белого, в том числе красного и белого террора, существовало в европейской политической традиции давно, по крайней мере с середины XIX в. Более того, в 1905 г. некоторые правые организации юга России именовали себя «белой гвардией». В этом отношении пропаганда большевиков, обличавшая уже с конца 1917 г. «белых», «белых генералов», а затем и «белогвардейцев» (не без влияния Гражданской войны в Финляндии), способствовала распространению этого названия. «Белые», принявшие, хотя не сразу и не везде, используемый противником термин, долгое время избегали называть себя «белой гвардией» (здесь различия существовали между разными армиями)³⁷. С конца же августа 1918 г. двухцветное деление воевавших сторон утвердилось, хотя и не повсеместно. Все же «белые» первоначально предпочитали называть своих противников не «красными», а «большевиками». Лишь со временем красный цвет в белой пропаганде стал символом абсолютного зла³⁸.

Антибольшевистские режимы использовали различные элементы дореволюционной символики. Одни из них учитывали символические изменения Февраля, другие прибегали к полной символической реставрации. Это проявлялось, например, в изображениях двуглавого орла: герб в одних случаях сохранял монархическую символику (скипетр, орел, держава), а в других — ее лишался, что маркировало разногласия в рядах противников большевиков, а порой и провоцировало их.

Нередко символическая политика белых выглядела как реставрационная, хотя это и не соответствовало их идеологии. Верность лидеров этого движения некоторым символам «старого режима», в том числе тем, которые фактически, а порой и юридически отменялись, привела к тому, что к ним относились как к приверженцам монархии. Это создавало условия для восприятия пропаганды красных, которые изображали своих противников «царской» армией.

³⁷ См. важное исследование, посвященное цветовой символике революции и Гражданской войны: Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка: сборник статей. М., 2018. 307 с.

³⁸ Душенко К. В. Красное и белое... С. 62, 64; Богомякова Е. С. Красноармеец... С. 52–53.